

Глава 3. Сорговая ириска

— Из сорго? Сладости? — Ху Цюянь не смогла сдержать любопытства.

Жителям деревни семьи Ду были знакомы лишь три вида сладостей. Первым был тростниковый сахар, который везли с самого юга. Стоил он баснословно дорого — сто двадцать медяков за цзинь, и простые крестьяне могли позволить себе лишь пару ляннов к Новому году, чтобы хоть раз в году побаловать себя заморским вкусом.

Вторым лакомством был любимый детворой солодовый сахар, который продавали в городе. Его приготовление требовало много зерна, и за крошечную палочку просили целых три медяка — за те же деньги можно было купить свежее яйцо.

Третьим же, самым доступным, была красная сахарная свёкла, которую сажали прямо на межах или по краям полей. Она уступала первым двум в сладости, да и есть её было не слишком удобно, зато брала количеством и дешёвизной. Пяти-шести грядок, убранных на зиму в прохладное место, вполне хватало семье на целый год.

О том же, чтобы делать сахар из сорго, Ху Цюянь слыхом не слыхивала. В северных деревнях сорго было в избытке, и если бы из него и впрямь можно было получить сладости, местные умельцы давно бы сколотили на этом состояние.

— Не только из сорго, — пояснил Цю Хуанянь. — Понадобятся ещё кукуруза и сахарная свёкла. Как только всё будет готово, я непременно угощу вас, тётушка Цюянь.

— Что ж, буду ждать, — ответила женщина.

Она не слишком верила в успех затеи, но и разуверять юношу не стала. Ей казалось, что он просто слишком сильно расстроился из-за нападков госпожи Чжао и её сына, вот и решил во что бы то ни стало доказать, что и в его доме сладости не переводятся. Побалуется несколько дней, поймёт, что ничего не выходит, да и бросит. Сорго — продукт дешёвый, даже если испортит — не беда, всё равно пойдёт на корм скоту или в похлёбку.

Цю Хуанянь достал два яйца и вложил их в руки гостье.

— Тётушка, вы сегодня ради нас натерпелись хлопот. Возьмите, пусть детишки полакомятся.

Юноша ещё тогда, во дворе, опасался, что жена Баоцюаня на словах согласится, а на деле ничего не даст. Потому он и упросил Главу клана прислать помощника. А раз человек потратил время и силы, его следовало отблагодарить.

Ху Цюянь для порядка немного поотнекивалась, но в итоге убрала яйца в корзину, и улыбка её стала ещё шире. Хуа-гээр не только лицом был пригож, но и дела вёл по совести.

Неудивительно, что покойная Вдова Ли так его выделяла.

— Слушай, Хуа-гээр, я тут спросить хотела... Твой мужик-то когда воротится?

— ...

Услышав это «твой мужик», Цю Хуанянь едва не поперхнулся собственным дыханием. Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы прийти в себя.

«Хотя мужчины мне и впрямь нравятся, это вовсе не значит, что я готов принять любого»

В прошлой жизни он был молод, успешен, хорош собой и обладал лёгким характером. Поклонников вокруг него вилось немало, и среди них встречались весьма достойные люди, но он ни на кого не смотрел, отдавая все силы работе и съёмкам видео.

Теперь же, в самом начале пути, ему буквально «выдали» мужа. Юноша не испытывал неприязни к самому факту брака, но и принимать на веру чужого человека не собирался. Он относился к Ду Юньсэ как к ответственности, доставшейся ему от прежнего владельца тела — наравне с Цзюцзю и Чуньшэном. Его план был прост: со временем найти Биньчжи подходящую жену и тем самым «возместить» потерю, а пока — жить как братья. Если же старший сын семьи Ду окажется человеком несносным или начнёт заявлять свои права, у Хуаняня найдутся способы уйти.

— Сказывали, что на столичной дороге какой-то участок поврежден, вот связь и прервалась на время. Думаю, вернётся недели через две, — ответил он, копаясь в памяти.

Больше двух месяцев назад, когда Вдова Ли занемогла и поняла, что долго не протянет, она велела передать старшему сыну весточку, чтобы тот возвращался. Однако болезнь оказалась быстрее: не прошло и десяти дней, как Ли скончалась. Эта женщина, положившая жизнь на алтарь семьи и детей, ушла спокойно, успев отдать последние распоряжения.

Прежний владелец тела, сражённый горем, тогда не только занимался похоронами, но и снова искал людей, чтобы передать весть в столицу. И лишь на днях пришёл ответ от Юньсэ. В письме была горькая новость: его наставник попал в темницу, сам он несколько месяцев был под надзором и лишь недавно смог вырваться из города под предлогом возвращения домой для совершения обрядов на могиле матери.

— Вот и славно, что скоро вернётся. У вас в доме одни дети, взрослый мужчина в хозяйстве — совсем другое дело. Как раз к весенней пахоте поспеет.

«Если нельзя сдавать государственные экзамены, то от пахоты толк всегда будет», — читалось во взгляде гостя.

Заметив, что Ху Цюянь медлит и явно хочет сказать что-то ещё, Цю Хуанянь догадался:

— Тётушка, у вас к нашему Биньчжи какое-то дело?

«Мой мужик»... Да он под страхом смерти такого не выговорит!

— Ну, понимаешь... — замялась женщина. — Твой Биньчжи когда вернётся, ему ведь всё равно какое-то занятие искать придётся. Если он решит в деревне открыть частную школу, я бы хотела своего Юнькана к нему в ученики напервое обучение (первое обучение) отдать.

Юноша всё понял. Образование в те времена стоило огромных денег. Деревня семьи Ду по местным меркам жила неплохо, но своего учебного заведения здесь не было. Чтобы начать обучение, детей приходилось возить в город, в частную школу к одному старому сюаю.

Путь туда на повозке занимал полчаса, а пешком — больше часа. Для привычных к ходьбе крестьян это был не крюк, но маленького ребёнка одного не отпустишь, а в страду у взрослых на такие поездки времени просто нет.

Ху Цюянь рассуждала здраво: Ду Юньсэ когда-то считался вундеркиндом, которого выделил сам великий наставник. Он много лет прожил в столице, и даже если путь к чинам ему теперь заказан, знания-то никуда не делись. Если он откроет школу прямо в деревне, Юнькан получит образование и под боком, и гораздо дешевле. Эти мысли бродили в голове тётушки Цюянь с тех самых пор, как пошли слухи о возвращении Юньсэ, но сразу после похорон Вдовы Ли лезть с расспросами было неловко. Сегодня же случай подвернулся сам собой.

Если бы не эта нужда, она вряд ли стала бы так усердно помогать, даже курицу сама зарезала и ощипала.

Цю Хуанянь выслушал её, но давать пустых обещаний не стал:

— Тут нужно дождаться возвращения Биньчжи и узнать, что он сам думает. В письме он про школу ничего не писал, так что я за него решать не берусь.

Ху Цюянь удивилась. А чем же ещё заниматься учёному человеку, который не прошёл дальше? Разве не открывают они школы в родных краях, чтобы прокормиться? К чему тогда все эти годы над книгами сидеть, если знаниями на хлеб не зарабатывать?

Юноша отделался общими фразами, уходя от прямого ответа. На самом деле он склонялся к тому, чтобы его «случайный муж» продолжал учиться и готовился к экзаменам. Как и в современном мире, образование в древности было единственным реальным социальным лифтом. Вложение в учёбу было самой прибыльной инвестицией. Ду Юньсэ девятнадцать лет, он с детства слыл талантом и годами учился у лучших умов столицы — идеальный кандидат.

«Если бы только гээр позволяли сдавать экзамены, я бы сам пошёл. Неужели я, после двенадцати лет зубрёжки и поступления в топовый вуз, испугался бы каких-то древних текстов?»

Увы, правила были неумолимы, и оставалось только действовать через посредника в лице Ду Юньсэ.

Впрочем, прежде следовало разобраться, что это за человек и насколько сильно тень опального наставника легла на его будущее. И тут Цю Хуанянь наткнулся в памяти на одну странную деталь.

— Тётушка Цюянь, я вот о чём подумал... Письмо от Биньчжи пришло прямо в наш дом. Отчего же тогда вся деревня так быстро узнала о его содержании?

Ху Цюянь нахмурилась:

— Я и сама от других услышала. Разве не вы сами об этом рассказали?

Юноша покачал головой:

— Кто же в здравом уме станет по всей округе кричать о своих неудачах?

Тётушка поняла, к чему он клонит. Теперь, когда их интересы в некотором роде совпадали, она решительно заявила:

— Не беспокойся, Хуа-гээр. Я поспрашиваю у кумушек, узнаю, кто первым эту новость принёс.

— Спасибо вам, тётушка.

— Да брось ты, — отмахнулась она, уже уходя. — Ты лучше сахар свой готовь, я ведь всё ещё жду угощения!

Проводив гостью, Цю Хуанянь вернулся во двор. Цзюцзю и Чуньшэн уже крутились возле очага, не сводя глаз с куриной тушки. После того как семья Ду обеднела, дети видели мясо разве что на Новый год.

— Братец Хуа, мы понесём её в город продавать? — шепотом спросила Цзюцзю.

— Нет, не продадим. Сварим и сами поедим, нужно силы восстанавливать, — улыбнулся он.

Законы династии Юй были милостивы к народу. Чтобы не мешать хозяйству

восстанавливаться, сроки траура по сравнению с прежними временами сократили: глубокий траур длился месяц, а полное соблюдение обрядов заканчивалось через год. Так что теперь им не запрещалось есть скоромное.

Дети радостно закричали и наперебой бросились собирать хворост. Цю Хуанянь вымыл руки и принялся за тушку. Сначала он думал обжарить мясо, но, потрогав его, понял: старый петух будет жестким как подошва. Оставался только один вариант — наваристый суп.

Он разрубил тушку на мелкие части, сложил их вместе с сердцем и печенью в подсоленную воду и оставил на полчаса. Это не только помогало убрать лишнюю кровь, но и добавляло мясу глубины вкуса, избавляя от запаха и сохраняя свежесть.

Из специй была только соль, так что юноша просто добавил горсть мелко нарезанного нежного лука с огорода. Впрочем, старый петух — это не магазинный бройлер; он сам по себе давал такой густой и честный аромат, что никакие изыски были не нужны.

Пока бульон томился на огне, Цю Хуанянь нарезал соломкой солёные овощи и поставил вариться кашу из риса и сорго. Вскоре над забором поплыл такой густой аромат мяса и варёного зерна, что прохожие невольно замедляли шаг, заглядывая во двор.

— С чего это в доме Ду сегодня мясо едят?

— А ты не знаешь? Фубао сегодня беды натворил, вот жена Баоцюаня и откупилась курицей.

— Говорят, Хуа-гээр прямо при Главе клана за тесак схватился и чуть лицо ей не раскроил!

— Так ей и надо, за столько лет совсем берега потеряла, а тут нашла коса на камень...

Деревенские стены — преграда слабая, и пересуды долетали до слуха юноши. Он лишь усмехнулся и громко позвал:

— Цзюцзю, Чуньшэн, идите есть! Этой курицы нам на три-четыре раза хватит!

Девочка отложила шитьё, а мальчик бросил хворост. Они мигом примчались к очагу, наперебой стараясь помочь с посудой. Цю Хуанянь положил каждому по полчашки каши, добавил несколько кусков мяса и по доброму половнику бульона. Остальное он разделил: мясо отдельно, суп отдельно. Вечера ещё стояли холодные, так что в тени всё это могло спокойно простоять пару дней.

— Вкусно? — спросил он, когда они уселись за маленький столик.

Цзюцзю зажмурилась от удовольствия, прихлебнув бульон:

— Очень!

— Невероятно вкусно! — поддержал её Чуньшэн.

Цю Хуанянь невольно улыбнулся. Для него этот суп был простоватым из-за нехватки приправ, но для этих двоих он стал настоящим пиршеством.

За стенами двора сгущались сумерки. Крестьяне возвращались с полей, слышался лай собак и звонкие голоса играющих детей. Юноша зажёл масляную лампу. Крохотный огонёк мгновенно разогнал тьму, окрашивая стены хижины в мягкие, золотистые тона. В открытую дверь потянуло влажной землёй и тонким ароматом пробуждающейся весны.

Глядя на то, как эти худенькие, милые дети счастливо уплетают нехитрый ужин, он почувствовал, что и его собственная порция стала вкуснее. Он всегда любил такую жизнь — простую, честную, близкую к природе. Пусть она была тяжела, но каждая капля пота здесь ложилась в его собственную копилку.

В прошлой жизни, вернувшись в деревню, он часто чувствовал себя одиноким. Но здесь, в этом чужом мире, рядом с детьми, которых он знал всего день, его вдруг посетило странное чувство покоя и умиротворения. Возможно, память прежнего хозяина тела так незаметно влияла на него, а может, всё дело было в том, что нынешняя реальность наконец совпала с его сокровенными желаниями.

Масло стоило дорого, поэтому в деревне ложились рано. Убрав посуду, Цю Хуанянь научил детей умываться и полоскать рот чистой водой, вместе с ними проверил, хорошо ли протоплен кан, и отправил их спать.

День выдался бесконечно долгим: падение в лесу, стычка во дворе, хлопоты... Как только юноша запер дверь и коснулся головой подушки, он мгновенно провалился в глубокий, безмятежный сон.

***

На следующее утро его разбудил пронзительный крик соседского петуха. На небе едва забрезжил рассвет — было от силы шесть часов. Цю Хуанянь поднялся, не чувствуя ни капли усталости. Напротив, голова была ясной, а вчерашняя рана на затылке чудесным образом почти затянулась.

Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить детей, он оделся и вышел во двор. Настало время заняться сорго, которое мокло в тазу со вчерашнего дня. Он собирался приготовить сладость, которая в его мире считалась традиционным лакомством, а здесь была совершенно неизвестна — гаолянги, сорговую ириску.

<http://bllate.org/book/15363/1372817>